

«Два главных героя, судьбы которых переплелись незримыми нитями, ведут свою игру на разных сторонах баррикады. Они умны, расчетливы и хладнокровны. Каждый из них готов пойти на всё, лишь бы добиться своей цели».

monstrum.somnia

«Редкая история, которая с самого начала наполняет противоречивыми чувствами и вызывает привыкание. Отлично проделанная работа над главным героем вкупе с постоянным сюжетным напряжением делают эту книгу столь затягивающей, что вам всегда будет мало».

visto.b

«Обжигающе-яркая история в жанре "уся" о противостоянии двух отчаявшихся людей, чьи судьбы сплелись в единый жгут».

ulyss_books

«Открыв книгу, вы закружитесь в водовороте эмоций и уже не сможете оторваться».

ms.hedgehog

«Борьба с судьбой. Борьба с болью. Борьба с самим собой. Ни одно сражение не ломает тебя, пока ты не выступишь врагом самому себе».

alena_alexeeenko

«Книга написана просто великолепным языком, который течет, обволакивает и утягивает тебя в историю».

kame_o_yomu

«Финал хорош, он сохраняет общую атмосферу и не делает историю мягче».

book_travel_film

SHELLEY PARKER-CHAN

SHE WHO BECAME
THE SUN

Шелли ПАРКЕР-ЧАН

ТА,
ЧТО
СТАЛА
СОЛНЦЕМ

fanzon

МОСКВА
2022

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44
П18

Shelley Parker-Chan

SHE WHO BECAME THE SUN

Copyright © 2021 by Shelley Parker-Chan

Map artwork by Jennifer Hanover

Cover art by JungShan Ink

Паркер-Чан, Шелли.

П18 Та, что стала солнцем / Шелли Паркер-Чан ;
[перевод с английского Н. Ибрагимовой]. — Мо-
сква : Эксмо, 2022. — 480 с.

ISBN 978-5-04-160509-4

Она — девушка, рожденная во время войны и голода. Ее брату предсказано великое будущее, а ей — смерть. Все решено на небесах.

Но что, если тот, кому небо предписало быть великим, выбирает смерть?

Она возьмет его имя и его судьбу. И пусть голодные глаза призраков следят за каждым ее шагом — она сделает все, чтобы выжить, чтобы стать великой. Будет гибкой. Будет жестокой. Будет женщиной. Чтобы стать Императором. Чтобы стать солнцем.

УДК 821.111-312.9(94)
ББК 84(8Авс)-44

© Н. Ибрагимова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-160509-4

Монахи, все пылает... Пылает в каком огне? Пылает в огне страсти, в огне отвращения, в огне заблуждения. Пылает, я говорю вам, в огне рождения, старения и смерти, в огне печали, плача, боли, горя и отчаянья.

Адиттапарьяя сутта¹

¹ **Огненная проповедь** — проповедь Будды, обращенная к тысяче монахов на вершине горы в Индии.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ
1345–1354
ГОДЫ

ДОЛИНА РЕКИ ХУАЙ,
ЮЖНАЯ ХЭНАНЬ, 1345 ГОД

Деревня Чжонли распласталась под солнцем, подобно отчаявшемуся псу, потерявшему надежду найти тень. Вокруг не было ничего, кроме голой желтой земли, трещины на которой образовали узор, как на панцире черепахи, и запаха горячей пыли, похожего на запах высушенных костей. Шел четвертый год засухи. Крестьяне знали причину своих страданий и посылали проклятия своему императору-варвару в далекой столице на севере. Как любые две похожие вещи, соединенные нитью «ци», из-за которой действия одной влияют на другую даже на расстоянии, так и достоинства императора определяют судьбу подвластной ему страны. Владычество достойного правителя вознаграждается хорошими урожаями, а недостойный получает в наказание наводнения, засухи и болезни. Нынешний правитель империи Великая Юань был не только императором, но и Великим Ханом; он был десятым потомком монгольского завоевателя Хубилая-хана, победившего последнего представителя местной династии семьдесят лет назад. Одиннадцать лет он держал в своих руках божественный свет Небесного мандата¹, и уже выросли

¹ Небесный мандат — одно из центральных понятий традиционной китайской политической культуры, используемое как источник легитимации правящей династии.

одиннадцатилетние дети, никогда не знавшие ничего, кроме катастрофы.

Вторая дочь семьи Чжу, которой в тот иссушенный жарой год Петуха исполнилось десять лет, думала о еде, шагая следом за деревенскими мальчишками к полю покойного соседа. Широкий лоб и полное отсутствие той пухлости, которая придает детям очарование, делали ее похожей на угловатую коричневую саранчу. И, подобно насекомому, девочка постоянно думала о еде. Однако, поскольку она выросла на однообразной крестьянской диете и лишь смутно подозревала о существовании чего-то лучшего, ее воображение ограничивалось количественными рамками. Сейчас ее мысли занимала чашка просяной каши. Она мысленно уже наполнила ее до самых краев дрожащей под пленкой густой жидкостью, готовой перелиться через край, и на ходу со сладострастной тревогой представляла себе, как зачерпнет первую ложку так, чтобы не пролить ни капли. Сверху (но тогда каша может выплеснуться через край) или сбоку (верная катастрофа), твердой рукой или осторожным прикосновением? Она так погрузилась в свою воображаемую трапезу, что едва обратила внимание на скрип лопаты могильщика, когда проходила мимо.

На поле девочка направилась прямо к шеренге обрубков вязов на его дальней границе. Когда-то эти вязы были красивыми, но девочка вспоминала их без ностальгии. После третьего неурожайного года крестьяне обнаружили, что эти прекрасные вязы можно пустить на убой и съесть, как и любое живое существо. Вот что стоит помнить, подумала девочка. Тускло-коричневую вязкую массу из корней, вскипяченных шесть раз, которая вызывала легкую тошноту и сводила щеки изнутри напоминанием о еде. Или еще лучше: муку из коры, смешанную с водой и рубленой соломой, и лепешки из нее, приготовленные на слабом огне. Но теперь у вязов давно уже не осталось съедобных частей, и единственное, чем они интересовали деревенских детей, было то, что

они служили кровом для мышей, кузнечиков и других подобных лакомств.

В какой-то момент, хоть девочка и не помнила точно в какой, она осталась единственной девочкой в деревне. Знать это было неприятно, и она предпочитала об этом не думать. Не было необходимости об этом думать, она точно знала, что произошло. Если в семье есть сын и дочь и два кусочка еды, кто станет тратить один кусочек на дочь? Возможно, только в том случае, если дочь особенно полезна. Девочка понимала, что она не полезнее тех, умерших. И к тому же уродливее, чем они. Она сжала зубы и присела рядом с первым пнем вяза. Единственным ее отличием от них было то, что она научилась сама ловить для себя еду. Эта разница казалась такой незначительной по сравнению с такой диаметрально противоположной судьбой.

Как раз в тот момент мальчишки, побежавшие вперед к лучшим местам, подняли крик. Они заметили добычу и, несмотря на прежние неудачи такого метода, пытались выманить ее, тыкали в нору палками и колотили ими о землю. Девочка воспользовалась тем, что они отвлеклись, и вытащила спрятанную в укромном месте ловушку. У нее всегда были ловкие руки, и раньше, когда такие вещи что-то значили, все очень хвалили сплетенные ею корзины. Теперь в ее силках обнаружилась добыча, которую любой бы пожелал: ящерица длиной с ее предплечье. При виде нее все мысли о каше вылетели у девочки из головы. Она стукнула ящерицу головой о камень и, зажав ее между коленями, проверила остальные ловушки. Нашла горсть сверчков и задумалась. При мысли об их ореховом, хрустком вкусе ее рот наполнился слюной. Но она взяла себя в руки, завязала сверчков в кусочек ткани и положила в карман на потом.

Снова вернув на место ловушки, девочка выпрямилась. Туча лёссовой пыли поднималась над дорогой, проходящей по холмам за деревней. Под лазурными знаменами, такого же цвета, как Небесный мандат, принадлежащий правящему роду монголов, солдаты в ко-

жанных доспехах текли темной рекой в облаке пыли, направляясь на юг. Все обитатели долины реки Хуай знали армию Великого князя провинции Хэнань, знатного монгола, подавившего крестьянские восстания, которые были в этом регионе больше двух раз за время жизни девочки. Армия Великого князя маршировала на юг каждую осень и возвращалась в свои гарнизоны в северной части провинции каждую весну точно по календарю. Армия никогда не подходила к Чжонли ближе, чем сейчас, и никто из Чжонли не приближался к ней. Металл солдатских доспехов отражал свет и отбрасывал блики, и темная река сверкала, медленно переползая через коричневую вершину холма. Это зрелище настолько не имело отношения к жизни девочки, что казалось почти нереальным, как печальный клич диких гусей, пролетающих высоко над головой.

Голодная и утомленная солнцем, девочка потеряла всякий интерес к происходящему. Держа в руках ящерицу, она повернула к дому.

В полдень девочка сходила к колодцу с ведром и коромыслом и вернулась, обливаясь потом. С каждым разом ведро становилось все тяжелее, и воды в нем становилось все меньше, а желто-бурой грязи со дна колодца все больше. Земля не могла дать им пищу, но теперь она, кажется, решила отдавать им себя в каждом царапающем горло глотке. Девочка вспомнила, как однажды некоторые жители деревни попытались есть лепешки, сделанные из грязи. И ощутила укол сочувствия. Кто не готов пойти на что угодно, только бы унять боль в голодном желудке? Может, и другие попробовали бы такие лепешки, но вскоре руки, ноги и животы первых смельчаков распухли, а потом они умерли, и остальные жители деревни урок усвоили.

Семья Чжу жила в хижине из дерева, состоящей из одной комнаты, которую построили в то время, когда деревьев вокруг росло много. Это было очень давно,

девочка этого не помнила. За четыре года засухи все доски хижины отошли друг от друга настолько, что внутри было не меньше воздуха, чем снаружи. Это не создавало проблем, так как дождь никогда не шел. Когда-то в доме жила целая семья: родители отца, мать с отцом и семеро детей. Но их количество убывало с каждым годом засухи, и теперь осталось только трое: девочка, ее старший брат Чжу Чонба и их отец. Одиннадцатилетнего Чонбу всегда любили и лелеяли, потому что он имел счастье родиться восьмым в своем поколении родственников мужского пола. Теперь, когда он единственный остался в живых, стало еще яснее, что Небеса ему улыбнулись.

Девочка отнесла ведро на кухню в задней части дома, которая представляла собой просто навес с шаткой полкой и крюком в потолке для подвешивания котелка над огнем. На полке стояли котелок и два глиняных кувшина с желтыми бобами. Полоска старого мяса висела на гвозде — все, что осталось от рабочего буйвола отца. Девочка взяла ее и протерла мясом котелок изнутри, так всегда делала мать, чтобы придать супу аромат мяса. Про себя девочка думала, что с тем же успехом можно надеяться получить вкус мяса, выварив старое седло. Она развязала юбку, обвязала ею отверстие котелка и налила в него воду из ведра. Потом счистила с юбки кружок грязи и снова надела ее. Юбка не стала еще грязнее, но, по крайней мере, вода очистилась.

Отец пришел, когда она разводила огонь. Она наблюдала за ним из пристройки. Он был одним из тех людей, глаза которых были похожи на глаза, а нос выглядел как нос. Ничего примечательного. Голод так туго натянул кожу на его лице, что оно представляло собой две плоскости: одна от скул до подбородка, а вторая от одного угла подбородка до другого. Иногда девочка гадала, действительно ли ее отец молод или, по крайней мере, не очень стар. Определить было трудно.

Отец нес под мышкой зимнюю тыкву. Она была маленькая, размером с новорожденного младенца, и ее рыхлая белая кожа покрылась пылью, так как она пролежала, зарытая в землю, почти два года. Выражение нежности на лице отца удивило девочку. Она никогда раньше не видела у него такого выражения лица, но поняла, что оно означает. Это их последняя тыква.

Отец сел на корточки возле пенька с плоским верхом, на котором они раньше забивали кур, и положил на него тыкву, будто жертвоприношение предкам. Заколебался, держа в руке большой нож. Девочка знала, о чем он думает. Разрезанная тыква долго не хранится. Ее охватили смешанные чувства. Несколько славных дней у них будет еда. В ее мозгу вскипели воспоминания: суп из свиных костей с солью, на поверхности плавают золотистые кружочки масла. Почти студенистая мякоть тыквы, полупрозрачная, как рыбий глаз, приятно растворяющаяся на зубах. Но когда тыкву съедят, не останется ничего, кроме желтых бобов. А после желтых бобов не будет вообще ничего.

Нож со стуком опустился, и через несколько секунд отец вошел в кухню. На его лице уже не было нежности, когда он вручил ей ломоть тыквы. «Свари ее», — коротко произнес он и ушел.

Девочка очистила тыкву и разрезала твердую белую мякоть на кусочки. Она уже забыла запах тыквы: запах свечного воска и зелени цветущих вязов. На мгновение ее охватило желание сунуть тыкву в рот. Мякоть, семечки, даже колючую кожуру, все, что заставит каждый дюйм языка ощутить великое наслаждение едой. Она с трудом сглотнула слюну. Она знала, какую цену имеет в глазах отца и чем грозит ей такое похищение. Не все покойные девочки умерли от голода. Она с сожалением отправила тыкву в котелок вместе с горсточкой желтых бобов. И варила суп долго, пока не прогорели все дрова, потом взяла кусочки коры, которые использовала в качестве прихваток для котелка, и понесла еду в дом.

Чонба поднял на нее взгляд, сидя на своем месте на голом полу рядом с отцом. В отличие от лица отца, его лицо провоцировало людей высказаться. У него был вызывающе вздернутый подбородок, а лоб бугристый, как грецкий орех. Эти особенности делали его лицо таким поразительно уродливым, что невольно завораживало людей и притягивало их взгляды. Чонба взял у девочки ложку и налил супа отцу. «Ешьте, пожалуйста, Ба». Потом налил себе и потом только — девочке.

Девочка посмотрела в свою чашку и увидела в ней только бобы и воду. Она молча пристально посмотрела на брата. Тот уже принялся за еду и не заметил ее взгляда. Она смотрела, как он сует в рот ложку с куском тыквы. На его лице не было жестокости, только слепое, восторженное наслаждение, характерное для человека, занятого исключительно самим собой. Девочка знала, что отцы и сыновья являются моделью семьи, как семья является моделью вселенной, и, вопреки своим беспочвенным мечтам, никогда по-настоящему не надеялась, что ей позволят попробовать тыкву. Но это все равно вызывало горькую обиду. Она проглотила ложку супа. Когда жидкость влилась в ее тело, ей показалось, что она проглотила горящий уголек.

Чонба сказал с набитым ртом:

— Ба, мы почти поймали сегодня крысу, но она ускользнула.

Вспомнив, как мальчишки лупили по пню, девочка подумала с укором: «Да уж, почти».

Теперь Чонба обратил внимание на нее. Но если он ждет, что она сама заговорит, то пускай подождет. Через несколько секунд он сказал прямо:

— Я знаю, ты что-то поймала. Отдай мне.

Не отрывая взгляда от миски, девочка нашла в кармане шевелящийся сверток со сверчками и отдала его брату. Уголек разгорелся сильнее.

— И это все, ты, никчемная девчонка?

Она так внезапно подняла на него глаза, что он отпрянул. Он начал так ее называть недавно, подражая от-